

Наталья Мазюкова

В зеркалах Времени

Издательство «Союз писателей»

2016

УДК 82-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Мазюкова Н. В.

В зеркалах Времени / Н. В. Мазюкова — Издательство «Союз писателей», 2016

ISBN 978-5-04-014278-1

В Зеркалах Времени отражаются эпохи, события, люди, их деяния. Жанровый микс обусловлен структурой повествования: историческая фантастика, проза, стихи, подлинные архивные документы и воспоминания. Книга будет интересна любителям истории и фантастики, романтикам и реалистам.

УДК 82-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-04-014278-1

© Мазюкова Н. В., 2016
© Издательство «Союз писателей», 2016

Содержание

Время умеет ждать	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Мазюкова

В зеркалах Времени

© Наталья Мазюкова, Ядрин, 2016

© «Союз писателей», Новокузнецк, 2016

* * *

Время умеет ждать

Флак синего цвета с бортовым номером 14 медленно приближался к пустынной равнине. Несколько секунд прозрачная полусфера на воздушной подушке висела над землёй и вскоре плавно опустилась в нужной точке посадки. Равнина была мертвенно-безлюдной, лишь кое-где из трещин скудной серовато-коричневой земли торчали чахлые веточки неведомого растения. Унылый пейзаж «украшали» лёгкие металлические стрекозы – ловушки времени. Люди, прилетевшие на флаке, не торопились. Старший, высокий молодой мужчина лет тридцати пяти, уверенной рукой отключил двигатель. На приборной доске ещё горела надпись: «2190. 31.11».

– Включи определитель безопасности жизнедеятельности, – отрывисто приказал он своему помощнику.

– Есть, повелитель! – шутливо откликнулся Снег Север.

Доцент кафедры эволюции времени Дар Ярила слегка нахмурился. «Снег очень молод, ему всего двадцать, он насмешлив, но бесстрашен, уверен в своих знаниях и настойчив в поисках», – думал Дар, глядя на огненно-рыжего зеленоглазого красавца гигантского роста. «Вот уж поистине родители просчитались, назвав сына холодным именем Снег», – неожиданно подумал Дар, на долю секунды отвлекшись от мысли, которая мучительно изматывала его уже три дня. Известный исследователь времени Дар Ярила и его ассистент Снег Север вот уже два года работали над изучением причины исчезновения городов.

– Проверка закончена, всё в порядке, уровень кислорода в норме, погодные условия благоприятные.

Если нужно, запросим Институт погоды, и специалисты обеспечат солнечные дни на весь период исследования, – весело отрапортовал Север. Дар, откинув со лба пепельно-русую прядь, прищулив серые глаза, задумчиво заметил:

– Время непредсказуемо и оно умеет ждать. Объектом исследования был выбран город Рядин.

Шестьсот лет назад он располагался на этой самой равнине. Мощная, быстротечная, извилистая Руса разделяла город на две части. Он был окружён лесами, вредных промышленных предприятий не было, воздух был чистый, но всё же люди болели неизлечимой болезнью и умирали. Почему Дар выбрал для исследования маленький, мало кому известный город, он так сразу и не объяснил бы. Возможно, кровь далёких росссов, его предков, вела его на трудных путях исследования. Дар по-мальчишечьи потёр руками глаза, словно избавляясь от непрошеного видения, и объявил своё решение:

– Снег, ты отправишься в 1590. Вид у тебя внушительный, сил девать некуда, вот и разомнётся. Покажешь удаль молодецкую, – Дар неожиданно перешёл со всеземного на русский.

– Ты несправедлив, Дар, – запальчиво откликнулся Снег. Его лицо словно вспыхнуло адовым огнём, а зелёные глаза начали метать молнии. Дар дружески похлопал юного исследователя по плечу.

– Не горячись, с Гачёвым нужен холодный рассудок, иначе не сносить головы, а ты порывист и горяч. Помни, нужно возвратиться обратно, расшифровать записи, внести сведения. К сожалению, я пока не могу гарантировать расчётное действие излучения в период пребывания во времени. Будем ставить эксперимент на себе. И это опасно.

Мысль, о которой Дар забыл на время, снова вернулась и усилила беспокойство учёного. Слова Дара успокоили Снега. Тряхнув рыжими кудрями, он поиграл мускулами, выпрямился в ожидании приказа.

– Ловушка № 1, Средневин-16. И будь всё же осторожен! – чётко скомандовал Дар. Потом, смягчив тон голоса, добавил:

– Во имя жизни!

Предыдущее исследование Дара Ярилы было посвящено разработке системы внедрения в пласты времени с одновременным изменением сознания исследователя. На это ушло долгих пять лет. Теперь же им со Снегом предстояло доказать теорию открытия практикой.

Прозрачный купол флака плавно открылся, Дар и Снег ступили на землю. Ловушка № 1 стояла неподалёку, в её зеркальных «крыльях» отражалось голубое небо и редкие цветы с жёлтыми пушистыми головками, похожими на собранные воедино лучики. Снег не знал, что это одуванчики. Лёгкий ветерок ласково обдувал лицо.

«Я добьюсь ответственного задания», – думал Снег, подходя к ловушке. Отогнув «крылья», он очутился в зеркальном цилиндре с кругом посередине. Прямо перед глазами появился дисплей, весело подмигивающий разноцветными огоньками. Снег нажал на зелёную кнопку излучателя, затем набрал необходимую комбинацию цифр, никаких изменений не произошло, если не считать, что Снег сразу почувствовал медово-карамельный вкус во рту. На дисплее мгновенно зажглась комбинация цифр 1590–2190. Металлический голос сообщил: «Начало». Перед глазами Снега колыхнулась пелена, и всё исчезло.

Стрелец Сашко Кочергин веселил прибаутками товарищей. Был он статным молодцем, выгодно выделявшимся среди других. Рыжие кудри языками огня вырывались из-под чёрной мерлушковой опушки шапки. Красный кафтан ладно сидел на его стройном стане. Из ярких зелёных глаз словно вылетали искры, но неизменно поражала одна странность – глубина и сосредоточенность взгляда. Сам говорящий отчаянно шутил, а мысли его были за тысячи вёрст от собеседника. Но его товарищам недосуг было разбираться в душевных тонкостях, они всегда были заняты делом. Вот и сейчас по стрелецкому стану разнеслась весть: воевода Уракин получил приказ: основать крепость ниже Румыша по Русе. Вскоре полторы сотни стрельцов во главе с сотником и несколькими детьми боярскими двинулись в путь. В редкие минуты остановок Сашко доставал перо и что-то быстро записывал, стараясь быть незаметным для любопытных взглядов.

– Ты, Сашко, дока! – дивились товарищи. – И лес валить, и срубы ставить, и грамоте умеешь. Что же в писаря не пошёл?

Сашко прерывал тайное занятие и шутливо отвечивал:

– Я и на дуде игрец, и толмач, и плясун впридачу. Вскоре отряд прибыл в Румыш. Разместились и начали заготавливать для будущего острога – крепости охранной – дубовые брёвна. Работа кипела, нужно было поспешать. Так незаметно пролетела зима, стывая Руса разверзла ледяные покровы, с грохотом и свистом, снося всё на своём пути, вскрывала она толстый ледяной панцирь, словно красавица, пытавшаяся освободить нежное тело от железного корсета. Закипела работа и у стрельцов. Брёвна великаны связывали в плоты и, спустив их в шумные воды Русы, отправлялись вниз по течению. Леса и редкие островки равнин мелькали перед глазами стрельцов. Наконец впереди показалось ровное открытое место, окружённое тёмным бортным лесом, сверкавшее на солнце прозрачно-голубыми глазами озёр. «Крепости быть!» – порешили стрельцы и стали высаживаться на берег. Записывая эти события, Сашко казалось, что всё свершается по какому-то неведомому промыслу. Грозный частокол, внутри одного четырнадцать сторожевых башен. Самая значительная, похожая на присевшую гигантскую птицу, прозывается Орлиной. Оно и верно. Пошевеливается глупая тварь, взвоньётся орёл в небо – и камнем вниз. И внутри крепости возвели постройки: воеводскую канцелярию, зелейный погреб, государев двор, таможенню и лавки. Своим чередом идёт и служба Сашко Кочергина: дозоры, стрельбища, охранение.

Дар Ярила, подходя к ловушке, обдумывал последнюю мысль, пытаюсь запомнить первоочередную задачу. «Можно ли изменить?» – крутилось в голове Дара в последнюю секунду. На экране высветилось «1774–2190» – и всё пропало.

Купец Василий Сыпкин, солидный благообразный мужчина в цвете лет, с окладистой пепельно-русой бородой и жёстким взглядом серых глаз, был серьёзно озабочен последними новостями. Восставшие под предводительством народного царя Емельки Гачёва отняли у многих рядинских купцов мельницы, разрушили церкви, воруют и режут скот, сотворили великую смуту в Румыше. «Эта голодная и ожесточённая орда растекается по окрестностям, как лава, – мрачно думал Василий, – нужно остановить Гачёва, иначе вся жизнь прахом пойдёт». Неожиданно его мысли прервал какой-то неясный шум, доносившийся из сеней. Через мгновение на пороге явился отец Илия, настоятель маленькой церкви Спаса на Горе.

– Благословен дом твой, Василий, – торжественно приветствовал степенный, тщедушного вида отец Илия.

– Твоими молитвами, батюшка, – поднимаясь со скамьи и низко кланяясь, отвечивал хозяин.

– Проходи, отдохни с дороги, путь, чаю, трудный. Эй, Парашка, неси квасу, шей да каши, да попроворней! – прикрикнул Василий, входя в привычную роль. – Откуда путь держишь, отец Илия?

– Со святых мест, – охотно откликнулся священник, – пока отсутствовал, пришла беда нежданная-незванная. Ну да Господь смилостивится, не допустит.

В этот момент вошла Парашка, проворно расставила на столе кушанья и на миг застыла, беззастенчиво разглядывая большой серебряный крест гостя.

– Ну, пошла-пошла, чего стала, разинувши рот! Твоё бабье дело за порогом. Василий сверкнул стальными глазами на Парашку, и она тотчас удалилась.

– Благослови пищу нашу, – отец Илия размашисто перекрестился на образ в красном углу. Лик Богородицы осветился прозрачным светом, словно отвечивая и благословляя. Пока ели, молчали. Покончив с угощением, отец Илия сотворил молитву и сказал:

– Чую, есть у тебя ко мне разговор.

Василий не стал медлить с ответом:

– Боюсь я, разбойник Емелька Гачёв вознамерился к Рядину продвигаться, пожжёт и разорит всё на пути. Он в Румыше станом стоит. Может, и к тебе вскоре пожалует, так ты его встреть и благослови ради святого дела. Мы же, люди торговые, соединимся и побьём супостата окаянного. И тебя вовек в молитвах своих не забудем и в милостях не оставим.

– Что же ты, хитреца и разбойника обмануть хочешь? Будет мне позволение свыше, сделаю, как ты просишь. Спаси Господь за хлеб-соль, выдвинусь, куда светло ещё.

Василий проводил отца Илию до ворот, дал ему припасов и велел конюху Степану отвезти батюшку до Горы. В молчании они простились.

Стояла тягостная июльская жара. Рядинский воевода, наслушавшись печальных вестей, решил тайно покинуть город. Ночью, разбудив жену и еле уgomонив заплаканных детей, он вместе со своим секретарём спешно покинул опасный город. Узнав про это, торговые и военные люди решили обороняться от неприятеля.

Через три дня Емелька Гачёв послал к Рядину своего ближайшего казака Кувлева с приказом сдаться народному царю. Отвергнув предложение посланца, горожане числом двести душ вступили в сражение. Схватка была яростной, но воодушевлённые горожане шли напролом. Как лев, сражался и Василий. Заметив, что гачёвцы отступают, теряя силы и даже бросив знамя, Василий нанёс решающий удар и отбил слабую атаку, захватив при этом знамя Кувлева. Рядин не сдался и не был сломлен. Вскоре Василий узнал, что отец Илия встречал народного царя Емельку у Спаса на Горе, за что был помилован и оставлен в живых.

Гачёв не пошёл на Рядин, а выбрал другой путь. Долго ещё пришлось Василию Сыпкину вместе со товарищами очищать окрестности от отступников и бунтовщиков. По Ея Императорскому повелению Василию Сыпкину, именитому гражданину, был пожалован царский подарок. Поздней ночью купец Василий Сыпкин подъехал к воротам своего дома, Парашка со свечой в руке освещала дорогу, ощупывая шпагу – подарок императрицы. Василий шагнул из темноты в покой.

Сашко Кочергин воспринимал службу как нечто привычное, как дышать, ходить, спать. Он нёс её исправно. Многие его товарищи женились и обзавелись семьями. На красавца засматривались и боярыни, и молодые девки, но он не оказывал никому почтения и не подавал надежд. Лишь одного своего занятия – всё записывать – он не оставлял. Выпало однажды ему ночное стояние на сторожевой башне.

– Ты и там при свете луны писать будешь? – насмешливо поинтересовался Федька Чюпин. Но Сашко относился к ночным стояниям серьёзно, многие поражались его способности не смыкать глаз во всю ночь.

Крепость жила уже размеренной устоявшейся жизнью. Изредка аборигены совершали вылазки, но стрельцы не позволяли им баловать. Ночь была густой и непроглядной, бледная луна пряталась за плотным слоем серых туч, лишь изредка показывая тонкий размытый серпик. Сашко задумался, обернулся в сторону города. Вот оно – новое поселение, его трудами возведённое и его тщением охраняемое. Внезапно он увидел свечение внизу: оно перемещалось и вздрагивало, словно капли воды на солнце. «Опять аборигены балуют. Ишь, стервецы, ночью вышли, пожгут город и труды понапрасну».

– Гей, тревога! – закричал что есть мочи Сашко. На других башнях откликнулись. Сашко подкатил ядро, зарядил пушку и выстрелил. Светящееся пятно внизу зашевелилось, растеклось в разные стороны. Все башни крепости осветились огнём, началась пальба. Конные и пешие стрельцы и дозорные выдвинулись навстречу непрошеным гостям. Забрёзжил рассвет, в молочном тумане едва можно было различить раскиданные во все стороны тела. В эпицентре лежало чугунное пушечное ядро, Сашко поднял его. Пелена зарождающегося утра заколыхалась.

Бледные неясные лучи рассветного солнца лежали на сонной равнине. Гигантские металлические стрекозы приобретали чёткие очертания с каждым мгновением. Новый день вступал в свои права. В рассеивающемся тумане можно было различить две мужские фигуры, идущие навстречу друг другу. Что-то непривычное было в облике появившихся мужчин в серебристых комбинезонах. Один нёс чёрный шар, у другого сбоку виднелась шпага.

– Во имя жизни, Дар! – воскликнул Снег.

– А это не преступление, что мы изъяли из прошлого артефакты? – серьёзно спросил Дар.

– Изучим и вернём, это факты общеизвестные, никто оспаривать их наличие не будет, – твёрдо ответил Снег.

«А он изменился, неуловимо, но стал каким-то другим», – подумал Дар, оглядывая мощную фигуру Снега, – и мышцы рельефнее, и взгляд пронзающий, и сам весь, как сжатая пружина».

– Займёмся расшифровкой? – Снег испытывающе посмотрел на Дара.

– Пожалуй.

– Там так красиво. Какая жизнь ожидает Рядин впереди. И люди... смелые, сильные.

Снег снова стал прежним: оптимист, верящий в торжество разума.

– У меня есть донесение воеводы Рядина Пулохина, датированное 1677 годом. В частности он пишет: «...на городе кровля вся развалилась, и башни, и стены, и около города рву и иных никаких крепостей нет. И воровские люди ночью порою через городские стены для воровства лазят. Дворы и хоромы у городских стен и башен поблизу – по сажени и по две – и от пожарного времени городовым стенам будет поруха».

– Дар, выходит, процесс исчезновения начинается практически сразу? – выдвинул гипотезу Снег.

– Не будем торопиться, исследуем все пласты существования и развития Рядина. Ты забываешь о роли личности в истории. Есть гипотеза, которая основывается на постулате: чем талантливее личности, тем выше вероятность того, что они возвысят город, тем дольше будет его жизнь.

– Зря я строил крепость, всё равно она разрушилась от времени, а люди ничего не сделали, – с сожалением сказал Снег.

– Город стал другим, он разросся, стали развиваться торговля и ремёсла, а его первооснователи стали впоследствии городскими обывателями.

Дар и Снег внесли привезённые из экспедиции сведения, сканы вещественных находок и свои личные впечатления в хроновизор. Потребовалось немного времени для того, чтобы вскоре была получена предварительная демограмма. Дар долго и внимательно изучал все алгоритмы демограммы Рядина. «Да, слабые звенья уже наличествуют. Возможно, последующие экспедиции подтвердят или опровергнут предварительные выводы нашего исследования», – досадно подумал он. Такие проявления чувств не были характерны ни для исследователя времени, ни для человека XXII века. Мировое человечество давно избавилось от эмоций, которые мешали в работе.

Третий год подряд лето было засушливым, река Руса обмелела, озёра в окрестностях Рядина стали похожи на лужицы. Земля растрескалась и высохла, покрывшись сетью мелких морщин. Голодные, измождённые постоянной бескормицей, люди бродили по городу и окрестным деревням в поисках пропитания. Но земля, словно жестокосердная мачеха, отказывала своим детям даже в куске хлеба. Мор и голод царили в те годы.

Купец Алексей Лябеков уже устал подсчитывать ежедневные потери: торговля не шла, мельничные жернова успели проржаветь, запасов едва хватало на прокорм собственного семейства. Каждое утро, едва на востоке робко появлялись бледно-розовые просветы зари, Алексей становился на колени и, с тоской взирая на тёмный лик Спасителя, начинал бить поклоны. Колокольный звон успокаивал измученную душу словно благодатный елей, эти звуки ласкали сердце. В эти редкие минуты Алексей забывал обо всех заботах. Окончив утреннюю молитву, он вышел в кладовую, тщательно закрыл за собой тяжёлую дубовую дверь. Свет, проникающий в маленькое, решетчатое оконце, упал на лицо, рельефно обозначив глубокие складки у чётко очерченного рта. Слегка подёрнутые первыми сединами, пепельно-русые волосы на мгновение блеснули серебром. Уверенной поступью Алексей прошёл к огромных размеров кованому сундуку, снял с шеи латунный ключ и вставил его в скважину гигантского замка, раздался гулкий щелчок. Отомкнув замок, Алексей откинул крышку, на дне лежало несколько холщовых мешочков. Взяв два, Алексей машинально взвесил мешочки и с удовлетворением решил про себя, что содержимого их хватит на свершение задуманного дела. Он запер сундук, тщательно закрыл кладовую, быстрым шагом направился в покои, отдал короткие приказания жене, сотворил молитву и вышел вон из дома. Его путь лежал к церкви. Вскоре переговорив со священником о деле и получив его благословение, он предпринял поездку в Нижегород. Вернувшись, наняв столяров, плотников и рубщиков, дал им поручения. Работа закипела. К месту строительства начали подвозить массивные брёвна и кирпич. Сотни людей работали без усталости от зари до зари. Каждый

день, едва начинало заниматься утро, Алексей приходил к месту возведения величественного храма. Лишь однажды привычный уклад был нарушен.

Дар поднял уставшие глаза от бумаги, взглянул сначала на небо, а потом огляделся кругом. Некогда безлюдная равнина словно очнулась от долгого тяжёлого сна. Она покрылась мелкой зелёной травкой, изредка звенящую тишину нарушал шелест стрекоз. Дар снова углубился в чтение. Хрупкая пожелтевшая бумага слегка похрустывала, строки, тщательно выведенные дьячком, гласили: «Церковь сия возведена по благословению нижегородского архиепископа Адмаскина ... в благодарность Господу Богу за прекращение голода, три года до начатия сей церкви свирепствовавшего около Рядина и доведшего его жителей до крайнего истощения... окончена им вчерне».

– Как правдивы и точны летописи, – подумал Дар, – они как зеркало времени.

Сумерки наступили неожиданно. По стёклам огромных книжных шкафов поползли зловещие тени, усиливая дремавшую доселе тревогу. Николай Ланцев включил лампу. Тёплый зелёный свет мягко осветил задумчивое лицо. Николай снял очки, потёр уставшие глаза и глубоко задумался, глядя на фотографический портрет, стоящий на столе. «Как же тяжело без тебя, Люба. Не будет теперь прежней радости и счастья. Не с кем поделиться сокровенным. Люба, голубушка, не сумел я тебя уберечь!» Свет лампы, соединившись с тенью сумерек, «выхватил» тонкое женское лицо с огромными грустными глазами, непокорные волосы задорно торчали в разные стороны. Затаённая грусть делала и без того хрупкий облик печальным. Звенящим камертоном в голове Николая вновь зазвучали последние слова: «Береги деток, Николенька. Помни обо мне». Николай с трудом оторвал взгляд от портрета и снова погрузился в изучение отчётов управляющих, донесения приказчиков, сметы расходов.

Торговый дом «Братья Ланцевы» имел миллионные обороты. Производство было крупнейшим: земли, два сельскохозяйственных хутора, пристани, пароходы, винокуренный, маслобойный и олифоварочный заводы, питейные заведения, трактиры. Всё это отнимало много сил и времени. Николай редко бывал дома, постоянные разъезды и участие в общественной жизни практически не оставляли времени на личные дела. Он знал, что население страдает тяжёлой глазной болезнью, что денег на строительство новой больницы земское собрание выделить не может. Эти обстоятельства в очередной раз напомнили ему о неожиданной тяжёлой кончине супруги. «В память о тебе, Люба, пусть будет заложена хорошая лечебница». Николай закончил проверять счета и твёрдо уверился в своём намерении построить лечебницу. Вскоре он переговорил с братьями. Зиновий посоветовал пригласить знакомого доктора. В мае 1911 года купил с торгов участок земли в углу Набережного переулка и Троицкой улицы. Никаких препятствий и сложностей со строительством не возникало: рабочие, лес и кирпич были свои. Оборудование и всё необходимое для глазной и хирургической лечебницы было закуплено. И даже построен деревянный просторный дом для врача и его семейства.

Через год, осенью 1912 года, Николая Ланцева пригласили на заседание уездного земского собрания. Его приход гласные почтили вставанием.

– Важно облегчить страдания больных людей, чтобы было меньше смертей. Со своей стороны я принял посильное участие в этой борьбе, построил и оборудовал глазную лечебницу на 30 коек в память покойной моей супруги Любови Алексеевны, – сказал Николай в приветственном слове.

На торжественном открытии депутация во главе с председателем земской управы Шамариным преподнесла Николаю адресную папку в честь открытия лечебницы. Поздно вечером Николай, придя домой, ещё раз прокрутил в голове события памятного дня. «Вот и свершилось, Люба, в память о тебе открыта в городе лечебница». Николай близо-

руко всматривался в портрет, словно желая получить одобрение. Рука сама собой потянулась к папке с торжественной золотой надписью.

Отогнув зеркальные крылья «стрекозы», Дар вышел из ловушки и направился к стеклянному кубу «офиса», они со Снегом приспособили буклайн для хранения артефактов и размещения хроновизора и демосканера. «Снег, наверное, ещё не вернулся, просмотрю демограмму, сканы артефактов». Войдя в офис, Дар положил папку из коричневой кожи с потускневшей золотой надписью. Неожиданно перед его глазами возникло лицо жены Лады Ветер. Оно было настолько реальным, что у Дара сжалось сердце. Лада возглавляла спецподразделение космических разведчиков. Во время последнего задания по обезвреживанию террористов с Кассиопеи, захвативших летний детский лагерь на Венере, она, спасая детей, погибла. Боль утраты стала тупой, ноющей, но уже не проходила. Шумное появление Снега отвлекло Дара от грустных воспоминаний.

– Во имя жизни, Дар! – приветствовал Снег и сразу без пауз выпалил, – кажется, наша теория верна. Яркие личности пишут историю, влияют на её ход. И когда они покидают свой город, он хиреет и, наконец, исчезает. Думаю, то же случилось с Рядином. Я готов хоть сейчас доказать.

– А ты не торопишься, Снег? Стоит всё проверить тщательно, собрать достоверные сведения. Только не задерживайся надолго, ты много работаешь и мало отдыхаешь. Дар был явно озабочен изменившимся видом Снега.

– Ерунда, – легкомысленно откликнулся Снег, – я нисколько не устал и готов отправиться в путь.

Николай Алексеевич Сенский шёл по пустынной улице Рядина. Молодые деревья кивали ему, словно старому знакомому, шевеля ветками, усыпанными молодыми нежными листочками. Воздух был прозрачен и по-утреннему свеж. Солнце лениво шествовало по бледно-голубому небу, птицы весело щебетали. Настроение Николая Алексеевича было приподнятым. Он выделялся заметной фигурой, высоким ростом. Яркие каштановые кудри он привык гладко зачёсывать, но аккуратная рыжая бородка выразительно курчавилась, придавая гиганту чуть-чуть мягкости. Зелёные глаза всегда смотрели очень внимательно и проникали, казалось, в самую душу. Он приехал в этот маленький уездный город в 1839 году, за плечами осталась служба в духовной консистории Лукаги, потом перешёл в казённую палату копиистом. Вскоре энергичная натура Николая потребовала настоящего дела. Он поступил в Медико-хирургическую академию. Затем было обучение в университете. Получив квалификацию лекаря-врача, он восемь лет практиковал. Степень лекарь была адекватна учёной степени кандидата наук и присваивалась всем выпускникам медицинских факультетов университетов и Медико-Хирургических академий. Больница, в которой работал Николай Алексеевич, находилась в частном арендованном доме. В ней было 15 коек. Случаи, с которыми обращались к нему больные, были разные. В последнее время значительно увеличилось количество больных оспой. Суеверный народ, практически незнакомый с передовыми методами лечения, всячески сопротивлялся вакцинации. Николай Алексеевич решил вести открытую борьбу с противниками оспопрививания. Он как большинство отечественных врачей отдавал себе отчёт в пользе вакцинации как единственном способе ликвидировать болезнь. Результаты последних медицинских исследований показывали, что удалось полностью ликвидировать эпидемии натуральной оспы. Николай Алексеевич переговорил со всеми священниками окрестных церквей, убедив их в необходимости спасения человеческих жизней, в том числе и проповедуя. Не щадя себя, Николай Алексеевич работал в больнице, ходил по домам, ездил по деревням Рядинского уезда. Зачастую возвращался поздно ночью. Это была яростная, непримиримая борьба за жизнь людей. Ежедневно

врач отслеживал количество больных и излечённых. Сенский отдавал работе все свои силы. К нему обращались «Ваше благородие», потому что за усердие ему был пожалован чин титулярного советника и золотая медаль за успешное оспопрививание. Николай Алексеевич всем сердцем полюбил Рядин, хотя родился и вырос далеко от этих славных мест. Отсюда он ушёл на Крымскую войну был награждён бронзовой медалью, но в Рядин больше не вернулся.

В свете зарождающегося дня по ещё сонной равнине шёл мужчина. На его молодое лицо уже залегли заметные тени усталости, рыжие, некогда сверкающие огнём волосы потускнели. Во всей фигуре чувствовалась некая грузность, словно в одно мгновение времени молодой, энергичный мужчина прожил целую жизнь, полную тревог, лишений и потерь. Исследователь времени Снег Север (это был он) подошёл к стеклянному кубу офиса опустошённый. В этот ранний час Дар уже работал: тихо щёлкал хроновизор, на дисплее демосканера сменялись картинки, датчики излучателя показывали уровень энергии.

– Здравствуй, Дар, – неожиданное обращение на русском удивило учёного. Он, вздрогнув, оглянулся. Вид Снега поразил его.

Не дав опомниться своему учителю, Снег произнёс:

– Наша теория не лишена смысла. Какие самоотверженные титаны были прежде. Без техники, сталкиваясь с постоянным непониманием и неприятием, они трудились и упорно шли к намеченной цели, жили во имя блага людей и процветания города.

– Есть ещё одна теория. Многие учёные считают её романтической. Так называемая книга времён уже написана, жизненное течение предопределено. И мы – люди будущего – не в силах изменить в прошлом естественное развитие и повлиять на ход прошлых исторических событий.

– Да, теория фаталистическая, – заметил Снег. Он задумался, глядя на золотую медаль, отразившуюся в зеркале.

– Нам предстоит определиться, в какой год мы полетим. Уровень энергии не высок, поэтому нужно выбрать период, близкий к нашему времени.

– В 2090-й! – живо откликнулся Снег, – юбилейный, вдруг нам улыбнётся удача. Снег снова стал прежним, стремительным и улыбочивым.

– Я уже просмотрел исторические документы, они хорошо сохранились. Но, знаешь, поражает наивность людей, они по-прежнему верят в чудеса, разленились, но при этом алчны и эгоистичны.

По улицам пустынного города шёл молодой мужчина. Весь его облик, внушительная фигура явно диссонировали с окружающим пространством. Игривый ветер разносил стайки мусора, чахлые редкие деревья выделяли мало кислорода, поэтому было трудно дышать. Молодой человек изредка доставал из кармана аэратор и подносил его к губам. Вдоль улиц тянулись покосившиеся, обветшавшие дома, бродили облезлые, исхудавшие собаки и кошки. Завидев мужчину, они ошетинивались или испуганно бросались в сторону. Временами тишину сотрясал шквалистый гул, земля начинала дрожать и сотрясаться в конвульсиях. Сохранившиеся памятники больше походили на древние развалины: трудно было различить лица, из разрушенных постаментов торчала арматура. Мужчина надеялся встретить хоть кого-нибудь из жителей, но город словно вымер. Неожиданно у несуразной постройки (в XXI веке строили такие многоэтажные дома) он заметил едва уловимое движение. Это был седой старик неряшливого вида, он щурился на подёрнутое мглой солнце покрасневшими, воспалёнными глазами, движения его были скованными.

– Кроме вас здесь проживает кто-нибудь? – обратился к старику молодой пришелец. – Не бойтесь, я не причиню вам зла.

Старик долго прислушивался к звуку человеческого голоса, в его глазах отразилось движение мысли, но он явно опасался незнакомца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.